

оригинальная статья

Аксиология ментально-коммуникативного плана современной виртуальной педагогической коммуникации: дискуссионные заметки

Голев Николай Данилович

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
Scopus Author ID: 56642816700
ngolevd@mail.ru

Поступила в редакцию 17.01.2023. Принята после рецензирования 15.03.2023. Принята в печать 28.03.2023.

Аннотация: Статья посвящена логическому анализу современного этапа становления виртуальной педагогики. Главной характеристикой этого этапа является недостаточная сформированность базовых тенденций названного процесса. Технологическому прогрессу противостоит ментальная неготовность к нему основных участников педагогической коммуникации: вузовских и школьных преподавателей; чиновников, руководящих образованием; отчасти родителей и других представителей старшего поколения. Наиболее ярко ментальная неготовность к техническому прогрессу проявляется в плане аксиологической модальности. Виртуализация педагогики оценивается многими участниками педагогической коммуникации настороженно или недоверчиво, а в ряде случаев – негативно. Цель исследования – актуализировать конструктивное отношение к виртуальной педагогической коммуникации, деактуализировав критическое, отрицательное отношение к виртуальной педагогике и к педагогике социальных сетей. Рассматриваются факторы и важнейшие проявления осторожного принятия коммуникантами педагогического дискурса тенденции развития виртуальной педагогики. Главный пафос статьи заключается в утверждении конструктивного отношения к проблеме виртуализации педагогической коммуникации в средней и высшей школах современной России. Основной акцент делается не на электронном инструментарии педагогики, а на виртуальной коммуникации как объекте обучения.

Ключевые слова: педагогическая коммуникация, виртуальная педагогика, педагогический дискурс, медиакультура, гносеологическая толерантность, ментально-языковая ситуация

Цитирование: Голев Н. Д. Аксиология ментально-коммуникативного плана современной виртуальной педагогической коммуникации: дискуссионные заметки. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2023. Т. 2. № 4. С. 204–214. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-204-214>

full article

Cognitive and Communicative Axiology of Modern Virtual Pedagogical Communication: Notes for Discussion

Nikolay D. Golev

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
Scopus Author ID: 56642816700
ngolevd@mail.ru

Received 17 Jan 2023. Accepted after peer review 15 Mar 2023. Accepted for publication 28 Mar 2023.

Abstract: The article introduces a logical analysis of the contemporary virtual pedagogy, which seems to have developed no basic trends so far. Teaching staff, education management, and, to a certain degree, parents keep failing to adapt to the rapid technological progress. This cognitive unpreparedness manifests itself as axiological modality. Most representatives of the senior generation involved in the academic process tend to demonstrate cautious or even negative attitude to virtualization. The author aims at introducing a more insightful attitude by devaluating critical or negative attitudes to virtual pedagogy and the role of social networks in it. The article discusses the factors and manifestations of this unwilling acceptance by schoolteachers and university staff. The main emphasis is not on the electronic tools per se, but on the virtual communication and academic discourse as objects of learning.

Keywords: pedagogical communication, virtual pedagogy, pedagogical discourse, media culture, epistemological tolerance, mental and linguistic situation

Citation: Golev N. D. Cognitive and Communicative Axiology of Modern Virtual Pedagogical Communication: Notes for Discussion. *Virtual Communication and Social Networks*, 2023, 2(4): 204–214. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-204-214>

1. Введение. Постановка проблемы

Виртуальная педагогика. Исследование¹ включено в парадигму виртуальной педагогики. Эта отрасль науки, образования и культуры в настоящее время активно развивается и интенсивно ищет свое особое место в социальной жизни и интеллектуальной сфере. Свидетельством поиска являются многочисленные термины, которыми сторонники названной идеи стремятся ее оформить: виртуальная педагогика, интернет-педагогика, цифровая дидактика, сетевая дидактика, компьютерная дидактика, медидидактика, медиапедагогика, интернет-дидактика (см., например, [Александрова 2011; Безолюк, Азарко 2021; Замолодская 2008; Кулик и др. 2022; Пеняева 2005; Рублёва 2012; Селиванов 2009; Тазов 2020]). Особо выделим в этом ряду работу Н. Л. Селиванова, который непосредственно обосновывает идею выделенности компьютерной педагогики как научной дисциплины [Селиванов 2009]. В нашей статье мы намерены остановиться лишь на одной стороне виртуальной педагогики; главная задача – сделать анализ модальностей процесса становления новой науки и области педагогической деятельности и – шире – всего ментально-коммуникативного плана, в который она входит. Этот план составляют не только учителя и ученики, но и управляющий аппарат, наука и общественность, его результатом становятся многие стереотипы российского метаязыкового сознания (подробнее об этом см. [Голев 2010]). Необходимость такого анализа продиктована неоднозначными тенденциями в аксиологическом плане данного процесса, складывающимися во многом из-за разнообразия оценок перспективы компьютеризации, цифровизации, виртуализации сферы образования и воспитания нового поколения. Целевая установка автора в этом плане – привести дополнительные аргументы в поддержку тенденции позитивного развития виртуальной педагогики. Далее такую поддержку мы обозначим термином *конструктивная модальность*. Выбор параметра модальности обусловлен убеждением автора в первичности субъективных установок по отношению к педагогической деятельности; технические

и социальные факторы, несмотря на их важную роль, все-таки движимы целевыми установками субъектов дидактической коммуникации.

Педагогическая коммуникация и педагогический дискурс. В первом разделе статьи автор намерен определить место педагогического дискурса как частной системы, входящей в системы более крупного порядка, а именно в определенный тип коммуникации, определяемый единством ее целевого предназначения, субъектами достижения цели и некоторыми средствами, например, опосредующими институтами и формой коммуникации (в т. ч. типом дискурса). К числу типов коммуникации могут быть отнесены правовая коммуникация, педагогическая коммуникация [Герасимова 2015], научная, политическая, художественная, религиозная коммуникация и другие ее виды. Каждая из них имеет сложную структуру, много вариантов (видов и подвидов), хотя их ядро, как правило, носит инвариантный характер, определяемый названными выше компонентами. Так, субъектами (адресантом и адресатом) правовой коммуникации являются государство и народ, опосредующие институты – законодательная и судебная ветви власти (в каждой из них наличествует своя коммуникативная подсистема); религиозная коммуникация предполагает таких субъектов, как верующий человек и Бог, опосредующий институт – церковь, тип дискурса – молитвенный; в художественной коммуникации субъектами выступают творец художественной продукции и ее потребитель, тип дискурса – эстетический; научная коммуникация – в основном корпоративная (ученые общаются между собой).

Педагогическая коммуникация. В педагогической (дидактической) коммуникации главными субъектами являются ученик и учитель, опосредующий институт в современную эпоху – школа (высшая и средняя), тип дискурса – дидактический (от учителя к ученику). О направлении: обратный тип связи – от ученика к учителю, на наш взгляд, мало разработан в педагогической коммуникативистике.

¹ В статье сохраняются некоторые стилистические черты устного выступления и его дискуссионная модальность.

В научной литературе в основном представлен ученик в позиции отвечающего, выполняющего задания, т. е. вторичного субъекта, носителя эхо-дискурса, описываемого в терминах реплицирования [Шпильная 2022], тогда как ученик взыскующий в педагогической коммуникативистике если и представлен, то на периферии². Сторонники личностно-ориентированного обучения пытаются выделить и усилить взыскующий голос ученика, но их теоретические декларации³ в условиях сложившейся классно-урочной системы остаются вне фокуса школьной и вузовской практик, в которых доминирует конвейерный путь производства человека по чертежам, прописанным в программах и учебных планах, содержание которых предписывает школе целевую установку на прохождение программ.

Инвариантной является также функционально-динамическая структура коммуникативного акта – событийной ячейки каждой разновидности коммуникации. Коммуникативный акт, согласно Дж. Остину, состоит из трех этапов: иллокуция (намерение), исходящая от адресанта; локуция (осуществление намерения адресантом); перлокуция (результат – воздействие на адресата). В случае педагогической коммуникации в формате *учитель – ученик* позитивный перлокутивный эффект заключен в эффективной передаче знаний, умений и навыков адресату-ученику. Внутренняя структура педагогического дискурса тоже весьма непростая: помимо общения *учитель – ученик* существует внутриучительское общение (открытый урок, педсовет, родительское собрание), межученическое (по-видимому, малоизученное), междетское (по-видимому, неизученное) и соответствующие им дискурсы. Внутреннее общение часто выходит вовне (например, с родителями, учеными, вышестоящими педагогическими органами). Такое общение является предметом зарождающейся дисциплины, которую В. Н. Базылев обозначил термином *педагогическая лингвистика* [Базылев 2019]. Отдельного обсуждения в разделе 1 заслуживает аспект взаимодействия разных типов коммуникации и дискурса. Нетрудно предположить, что зоны их взаимодействия бесконечно

разнообразны. Например, педагогический дискурс и научный переплетаются в вузовских учебниках [Голев, Григорьева 2022]; педагогический и религиозный – в православных школах; педагогический и художественный – в художественных школах; художественный и педагогический – в художественных произведениях, отражающих жизнь школы; научный и правовой дискурсы образуют сложную коллизию, в которой наука выполняет вспомогательную роль по отношению к законодательной, при этом толкование закона учеными квалифицируется как неофициальное.

2. Виртуальный аспект педагогической коммуникации

Полагаем, что виртуальный план в дидактике присутствовал всегда в тех или иных формах. Заочное обучение – его пример. Студент получает задание (на сессии или по почте), выполняет его, присылает на проверку, получает зачет. Современные коммуникативные технологии создали революционную ситуацию в этой области. Эта ситуация переросла технологическую сторону и стала социальной и ментальной проблемой. Это особенно ярко проявляется в дискуссиях на тему коммуникативной субъектности работа как обучающего средства; таковы, в частности, споры на тему «Сможет ли говорящая голова заменить педагога»⁴. Пока в этих спорах мнение о преимуществах живого общения, как правило, одерживает верх. Аналогичный модус споров вызывает проблема, заключенная в оппозиции *искусственный интеллект – интеллект естественный*. Например, ситуация в шахматах, где поначалу доминировало мнение, что живой шахматист с его способностью к фантазии и интуитивным решениям, неизбежно сильнее «тупо считающей» машины. Жизнь показала, что шахматный робот (движок) одержал безоговорочную победу над человеком и что это уже не продукт фантастов-технократов, а реальность, в которой движки участвуют в турнирах наряду с гроссмейстерами. Подобным образом растет качество машинного перевода, и мнение о том, что это качество техноперевода уже не уступает качеству антропоперевода,

² На наш взгляд, этот вопрос тесно увязан с известной в педагогике антиномией *образование в школе – обязанность или право ученика*. Полнос *право* усиливает позиции взыскующего ученика, полнос *обязанности* – ослабляет. Аналогия односторонней (полупроводниковой) педагогической коммуникации с религиозной коммуникацией проявляется в следующем: молитвенный дискурс обращения к Богу ясен, особенно если он представлен в вербализованной форме, Бог отвечающий – менее ясная коммуникативная позиция.

³ В научной школе «Социально-когнитивное функционирование языка» (Кемеровский государственный университет) идея личностно-ориентированного обучения получает теоретическую разработку в парадигме, увязывающей его с типологией языковых личностей [Голев 2009].

⁴ Ля Фам шуршит. Сможет ли говорящая голова заменить педагога. *Дзен*. 11.01.2022. URL: <https://dzen.ru/a/YdfKkc0MGGHDP0t4> (дата обращения: 20.02.2023).

пока еще единично [Бездорожев 2013], но нет сомнения, что это мнение будет постепенно усиливать свои позиции, педагогическая коммуникация здесь не исключение [Рублёва 2014; Рублёва, Хехтель 2020; Шувалова 2015].

Итак, виртуальное и искусственное приобретает в обществе все большую значимость, трансформируется и вращается в реальную и естественную жизнь, где конкурирует (нередко успешно) с биологическими субъектами коммуникации в формате *человек – машина*. Применительно к дидактической коммуникации считаем принципиальным следующий тезис: педагогика должна ответить на этот вызов **конструктивной позицией**⁵. Здесь мы разделяем пафос Н. А. Свердловой: «Особые системы кодирования информации и соответствующие им коммуникационные процессы в... условиях обучения требуют дополнительного осмысления, прежде всего, с лингвистической и, далее, с лингводидактической точек зрения» [Свердлова 2012: 1201]. В этой связи уместно актуализировать следующий факт, известный автору как редактору научного журнала «Виртуальная коммуникация и социальные сети». Изначально журнал задумывался как площадка для обсуждения лингвистических, социологических и психологических аспектов коммуникации в социальных сетях. Оказалось, что на практике весьма активны в журнале исследователи-педагоги и действующие преподаватели. Они считают нужным обнародовать в журнале результаты своего опыта преподавания различных дисциплин. Пока по активности в этой сфере доминируют преподаватели иностранных языков и русского языка как иностранного.

3. Конструктивная позиция

В чем заключается конструктивная позиция? Очевидно, что она проявляется, во-первых, в целевых установках – в видении позитивного начала и перспектив виртуальной педагогики, во-вторых, в реальной педагогической деятельности, в применении цифровых технологий обучения на практике. В реализации конструктивной позиции важна и пропедевтическая работа апологетов виртуальной педагогики, которая должна быть направлена в том числе на преодоление настороженного отношения к технопедагогике и стремления принизить ее значимость и перспективы. Особенно характерна такая позиция для преподавателей дисциплин гуманитарного цикла.

В этом противостоянии антропологики и технопедагогике весьма заметна фундаментальная проблема: несмотря на социальную, коммуникативную и духовную значимость виртуальной коммуникации и социальных сетей, реакция на виртуальную педагогику научного и педагогического сообществ, общества и государства является замедленной (в диапазоне от осторожной до настороженной). Здесь уместно акцентировать внимание на цели нашего исследования, которая состоит, с одной стороны, в актуализации конструктивного отношения к виртуальной педагогической коммуникации, а с другой – в деактуализации настороженного, скептического, негативного отношения к виртуальной педагогике вообще и педагогике социальных сетей в частности.

Конструктивный пафос, который мы намерены предложить педагогической корпорации, – это движение от видения, понимания и признания реальности, в котором виртуальное занимает большое и все возрастающее значение, к научному ее осмыслению и переносу в социальную сферу, далее – в культурную, психологическую, ментальную ипостаси и, наконец, в технологию повседневного преподавания; **основной канал такого переноса – педагогическая коммуникация**.

Полагаем, что прогресс образования не в педагогическом луддизме, не в торможении эффективной поступи виртуальной педагогики [Батталов 2022], а в ее совершенствовании, в том числе путем придания учителям (в дистанционном обучении – говорящим головам) лучших черт живого преподавания. В этом смысле мы разделяем пафос В. Н. Базылева: «Реалии сегодняшнего дня: электронные книги по предметным областям, анимация и интеракция, облачная интернет-платформа... Теперь главное для учителя – не потеряться в этой новой реальности. Чтобы освоиться в ней и не оказаться слабее своих учеников, нужно помнить, что наука о языке постоянно обогащается новыми идеями» [Базылев 2021: 76]. Далее обратим внимание на название статьи В. Н. Базылева и на тот факт, что она опубликована в журнале «Русский язык в школе»: контент журнала, предназначенного для учителей, тоже является частью реальности современной школы, отражающей ее потребности. Приведем примеры, иллюстрирующие сегодняшнюю реальность виртуальной коммуникации⁶.

⁵ Здесь и далее по тексту выделения жирным шрифтом с курсивом наши.

⁶ В примерах сохранена авторская орфография и пунктуация.

(1) Настоящее.

*Как же удивился ребенок, узнав, что полное имя его бабушки Клавы – не Клавиатура!*⁷

Таково стихийное отражение реальности в сознании внука, технореальность рождает свои паттерны, которые проецируются в картину реального мира.

(2) Будущее.

– *Здравствуйте, дети.*

– *Здравствуйте, Мария Юрьевна...*

– *Садитесь. Сегодня мы пишем пост!*

– *Ууу.. Мария Юрьевна, может, смс хотя бы, а?*

– *Так! Тихо там. Совсем тексты большие разучитесь писать. А у вас ЕГЭ на носу. Часть С. Что вы там напишите? «Чмок. Лол. Лойс»?*

– *Ну, давайте твит, может?*

– *Так! Перестаньте торговаться! Записывайте тему поста «Степан Данилов. Образ маленького человека». И чтобы к концу урока было минимум по 5 лайков и 3 комментария к каждому посту.*

– *Ну, Маааарь Юрьевна...*

– *Кто будет писать комментарии соседу по парте – сразу дизлайк в журнал. Все поняли?*

– *Дааа...*⁸

В каждой шутке, как известно, всегда имеется лишь доля шутки, остальное – правда. В каждой хорошей пародии всегда присутствует отражение реальности. В данном случае – это широкая распространенность упрощенных и минимализированных форм виртуальной коммуникации. И здесь есть повод снова предложить не сосредотачиваться на критике виртуального письменного (и устного тоже) общения молодого поколения россиян в социальных сетях, чатах и блогах, в котором размываются традиционные коммуникативные нормы и дидактические требования представителей старшего поколения. Мы видим необходимость в том, чтобы учителя вслед за Марией Юрьевной из анекдота не концентрировались лишь на критическом модусе и диктуме, а выработывали **новую культуру письменной речи у молодежи**. Лингвистам-профессионалам можно предложить всерьез изучать новую реальность, в том числе новую семиотику [Голев 2012] и обслуживающую ее новую нормативность, которая, на наш

взгляд, не только графическая, но и ортологическая (пунктуационно-орфографические нормы), а также, возможно, синтаксическая и стилистическая.

(3) Интернет-лингвистика и интернет-педагогика новейшего времени. Письменная разговорная речь в Интернете.

В процессе нередких выступлений перед учителями автор настоящей статьи стремился передать пафос признания новой реальности и необходимости ее изучения. Для этого требовалось приводить лингвистические иллюстрации: типичные примеры разговорной письменной речи – переписки школьников и студентов в мессенджерах и социальных сетях (рис. 1⁹, 2¹⁰), а также обсуждения родителями школьных чатов (например, на интернет-форуме).

Разговорная письменная речь студентов (рис. 1) в повседневной виртуальной коммуникации «все более выступает как эквивалент бытовой разговорной речи» [Голев 2013]. Приближенность к бытовой разговорной речи достигается вследствие написания слов с грамматическими ошибками (приветствие *здаров* вместо *здорово*, *щас* вместо *сейчас*), стилистических отклонений от нормы (*вылезем* в значении *выйдем*) и т. д. Переписка школьников (рис. 2) в нарочито официально-деловом стиле (речь учеников – книжная, без ошибок) явно иронична: об этом свидетельствует никнейм *Леха* (фамильное) одного из коммуникантов. Предпочтение учениками разговорной речи в учебно-дидактической интернет-коммуникации отмечают и их родители: *Заглянула в чат группы одноклассников ребенка и стало как-то не по себе – бесконечные уродливые смайлы, мат проскальзывает, девочки агрессивны между собой, почти все дети пишут с ошибками, высмеивают друг друга, мальчики обсуждают игры и сидят там...*¹¹

Наше представление в учительской аудитории этих (рис. 1, 2) и других подобных текстов как актуального и интересного предмета лингвистического исследования часто сопровождалось со стороны преподавателей явным или неявным неприятием включения такого общения в область серьезных предметов науки и тем более педагогики.

⁷ Цифровое телевидение в Петербурге. URL: https://vk.com/wall-72537297_22042 (дата обращения: 20.02.2023).

⁸ Классные часы и презентации для учителей. URL: https://vk.com/wall-34606085_91809 (дата обращения: 20.02.2023).

⁹ 20 СМС, которые могли отправить только студенты. *AdMe*. 09.02.2015. URL: <https://adme.media/svoboda-narodnoe-tvorchestvo/20-sms-kotorye-mogli-otpravit-tolko-studenty-851310/> (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁰ DaMiR. Со следующего года в российских школах будут обучать правилам поведения в социальных сетях. *Пикабу*. 12.12.2014. URL: https://pikabu.ru/story/so_sleduyushchego_goda_v_rossiyskikh_shkolakh_budut_obuchat_pravilam_povedeniya_v_sotsialnyikh_setyakh_2898362?utm_source=linkshare&utm_medium=sharing (дата обращения: 20.02.2023).

¹¹ Чат одноклассников. *Eva.ru*. 13.11.2019. URL: <https://eva.ru/kids/messages-3577321.htm> (дата обращения: 20.02.2023).

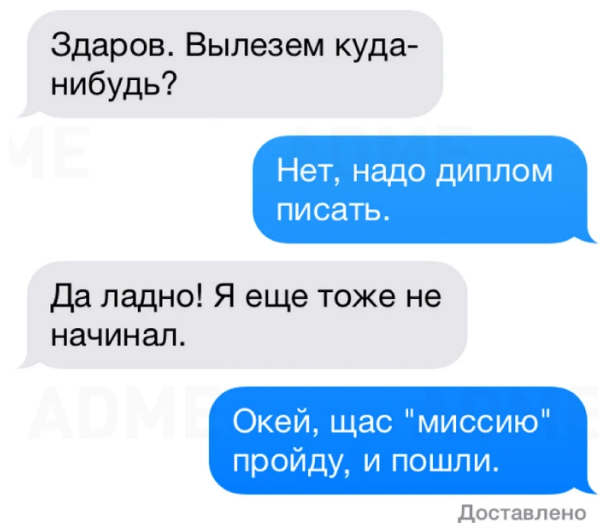

Рис. 1. Переписка студентов в мессенджере
Fig. 1. Students communicating in a messenger

Леха

Уважаемый Николай, не поделитесь ли домашним заданием по алгебре?

Коля

Алексей, мне кажется, вам следует обратить внимание на самоорганизацию: вот уже третий урок кряду вы у меня заимствуете решения.

Рис. 2. Переписка школьников в социальной сети
Fig. 2. Schoolchildren communicating in social networks

Следующая реакция немолодого и заслуженного учителя передает нетолерантное гносеологическое отношение к низовым персонам обыденной коммуникации: *Вы нам предлагаете изучать, как говорит и пишет Славка-балбес? У него в речи кроме ты, дык, тэц, чо, щаз, да я ему, да он мне – ничего нет.* Противопоставить этому тезису доводы, которые были бы убедительными для заслуженного учителя, трудно. В этом отношении целесообразно апеллировать к идеям личностно-ориентированного обучения [Базылев 2019; Голев 2009]. Наш педагогический дискурс в подобных ситуациях таков: Славка – не дурак, у него ум такой. Он такой, какой есть. И речь (в том числе письменная) у него такая. Иногда наша точка зрения более радикальная: если мы не отвергали бы с негодованием такую речь, а изучали бы, то, возможно, нашли бы, что в этих *ты, хы, щаз* есть свои смыслы и что они, может быть, весьма разнообразны и поучительны для лингвистической науки, а результаты исследования подобных лексем полезны для школьной методики.

Такого рода гносеологический конструктив уместен и относительно обучающихся, просиживающих часами и днями за компьютером и смартфоном. Но, вероятно, это та реальность, в которой формируется новая коммуникативная и даже когнитивная и культурная личность. Кому-то она не нравится, что вполне понятно и объяснимо.

Обычно завершение этой темы перед учителями укладывается в резюмирующие тезисы: 1) одними возмущениями и ограничениями новую личность сформировать нельзя, необходимо искать конструктивные решения; 2) диалог с молодежью не может быть выстроен на отрицании тех норм, которые она вырабатывает. Необходим элемент его притяжения. Каков удельный вес такого диалога в педагогической коммуникации в форматах *учитель – учитель, ученый – учитель, учитель – ученик* и, наконец, *ученик – учитель* – вопрос открытый и требующий, на наш взгляд, серьезного обсуждения.

Здесь уместно привести аналогию в связи с обсуждением вопроса о падении у молодежи интереса к чтению. Набор упреков в ее адрес по этому поводу велик. Причины такого модуса понятны: самая читающая страна перестала читать. Мы не предполагаем здесь обсуждения тем «Новое чтение», «Новые методики приобщения к чтению», однако уверены, что феномен чтения нужно изучать, во-первых, объективно, во-вторых, конструктивно [Голев 2011].

4. Модальность признания новой культуры и новой языковой личности

Новая культура. Конструктивное отношение означает признание новой культуры в ее базовых формах, в том числе культуры виртуальной коммуникации. Полагаем, что такого рода конструктивность должна быть поддержана тезисом: у молодежи формируется не антикультура (даже если она в эпатажных формах типа олбанского языка или языка упячка), а другая культура, может быть, андеграунд. Априорное исключение подобных форм из культурной парадигмы неконструктивно.

В этой связи уместно привести известную концепцию Н. И. Толстого о четырех типах культуры:

- 1) литературный язык – элитарная культура;
- 2) говоры – народная, крестьянская культура;
- 3) просторечие – «*третья культура*»;
- 4) арго – традиционная профессиональная культура [Толстой 1995].

Развивая примеры письменной коммуникации в чатах, выдвинем гипотезу: разговорная письменная речь – феномен, относящийся именно к «третьей

культуре»; его вслед за Б. А. Лариным, исследовавшим феномен в частной переписке рядовых носителей языка, по праву можно назвать письменным просторечием (см. [Лебедева 2001]). Подчеркнем, что несмотря на внешнюю небрежность, подчеркнутую упрощенность и отклонения от канонической (литературной) нормативности письменное просторечие – это явление **народной** культуры, выработанное определенной группой представителей народа.

Экскурсы в историю культуры и науки. Наш призыв обратить научное и педагогическое внимание на более низкие слои культуры строится на давней тенденции, наблюдаемой во многих сферах искусства и науки, когда на смену элитарным нормам приходит мода на низовые слои. Уместно апеллировать к истории литературных языков, которые генетически восходят к нелитературным формам. Так, например, А. С. Пушкин не отвергал низкую лексику и стилистику, а видел в них новые возможности самовыражения русского народа: именно в этом заключается его заслуга в становлении русского литературного языка. В лингвистической науке отношение к диалектной речи менялось от аристократического снобического пренебрежения к ней как низкой до романтизации. В русской лингвистике это выразилось в ее системном изучении. Уже в XX в. (особенно в его середине) диалектология была ведущим направлением исследований. Филологи старшего поколения, окончившие университеты и педагогические вузы, помнят, какую роль в их становлении как профессионалов играла диалектология с ее практиками, картотеками, курсовыми работами, далее – статьями и диссертациями. Подобный сдвиг интересов наблюдался и в отношении к фольклору. Эпатажное (в позитивном смысле) впечатление на автора настоящего исследования произвела монография «Русская разговорная речь» под редакцией Е. А. Земской (1973) и последующие за ней хрестоматии с записями живой речи рядовых носителей русского языка в бытовых ситуациях: в трамваях, очередях магазинов, курилках и т. п. 1970-е гг. характеризуются взрывом в русистике интереса к разговорной функциональной разновидности русской речи. В этом же ключе развивалась теория естественной письменной русской речи [Лебедева 2006]. Полагаем, что все перечисленные трансформации являлись факторами формирования корпусной лингвистики и лексикографии. В частности, в Национальном корпусе русского языка был преодолен художественноцентризм прежней лексикографии, когда лексические единицы в толковых

словарях иллюстрировались почти исключительно примерами из художественной литературы. Сейчас корпус осторожно включает и элементы новейшей русской интернет-речи. Тем не менее для школы акцент на художественной речи – явление по-прежнему неоспоримое, такой подход для нее – аксиома в изучении школьниками русского языка, и художественная речь доминирует в лингвистике родного языка в школе.

Модальность признания новой личности. Линия гносеологической толерантности (термин Н. Б. Лебедевой [Лебедева 2001]) по отношению к низовым формам культуры естественным образом проецируется в лингвоперсонологический план, связанный с изучением языковой личности. Лингвоперсонология начиналась с интереса к элитарным персонам, в совершенстве и креативно владеющим языком в разных его функциях, прежде всего в художественной. Именно в сфере стилистики художественной речи сформировалось понятие идиостиля, которое обобщало особенности употребления языка тем или иным писателем и отличало его в языковом отношении от других. Разумеется, лингвоперсонологов изначально привлекали личности выдающихся ораторов, юристов, журналистов и политиков, нередко ученых, сейчас к ним в качестве объектов изучения присоединяются известные блогеры [Фролова, Уварова 2021]. Рядовой носитель языка пока по-прежнему не слишком интересен исследователям, хотя примеры представления их идиостиля в лингвистике имеют место, и в таком направлении лингвоперсонологии, как портретирование рядового носителя языка, уже немало исследований [Лебедева, Корюкина 2013; Сухотерина 2016]. Педагогическая лингвоперсонология рядовой личности ограничивается прикладными аспектами ее изучения, например, типологией письменных ошибок и их привязкой к определенным типам языковой личности. Прочие аспекты личности ученика редко привлекают внимание исследователей и педагогов [Константинова, Илюхина 2012; Мамаева 2007].

Модальность признания виртуальной педагогики. Под развитием виртуальной педагогики мы понимаем не технологический аспект – использование интернет-коммуникации и социальных сетей, компьютерной техники, в учебном процессе (это ни у кого не вызывает сомнений), а необходимость сделать виртуальную коммуникацию объектом обучения в школе и в вузе. Так, на наш взгляд, назрел вопрос о создании учебных программ и учебных пособий по формированию культуры

коммуникативного поведения и культуры речи в виртуальных форматах коммуникации¹². Такие учебные пособия могли бы дать методический материал студентам педагогических специальностей и учебный материал учителям для проведения занятий по формированию медиакультуры студентов – будущих учителей – и через их опосредование и школьников. Под виртуальной медиакультурой подразумеваем культуру коммуникативного поведения в интернет-среде, цифровой среде и различных сферах виртуальной коммуникации. Актуальность такого направления в обучении школьников очевидна. Интернет-коммуникация – новая коммуникативная эпоха со стихийно вырабатываемыми новыми языком, речью, коммуникативным поведением, ментальностью и языковой личностью.

5. Заключение

Современная виртуальная дидактика во всех ее проявлениях (в том числе таком, как педагогический дискурс) представляет собой сложный и противоречивый (естественно-искусственный) феномен, включенный в широкий социальный контекст. Во всех сферах функционирования виртуальной дидактики существует потребность трансформации ее стихийных проявлений в позитивно-рациональные и, соответственно, необходимость активизации научно-исследовательского подхода к ней. В статье предпринята попытка показать, что такой подход в настоящее время не столь однозначен, как неоднозначно в обществе отношение к виртуальной педагогике. Автором отстаивается тезис о конструктивности данного феномена.

Конструктивная модальность по отношению к *виртуальной педагогической коммуникации* показывает, что она в значительной мере заключается в понимании сложившейся реальности как культурной сущности, которая подлежит не только радикальным преобразованиям, но и осторожному признанию и принятию как **неизбежного и необходимого явления** нашей материальной и духовной жизни. В статье намечены основные пути конструктивного отношения к виртуальной педагогической коммуникации. В его основе лежит исследовательское (объективистское) отношение: эффективное применение современных форм коммуникации

и воздействие на них предполагает предваряющее научное изучение – выявление объективных закономерностей генезиса, функционирования и развития. Оно будет способствовать трансформации стихийных начал виртуальной коммуникации в рациональные. В педагогике это означает осознанное толерантное отношение к этим закономерностям. Такое отношение положит начало становлению виртуальной педагогики, одной из главных задач которой должно стать формирование у школьников культуры коммуникативного поведения в виртуальной среде. Все это предполагает разработку новых дидактических принципов и методик для преобразования стихийных начал новой коммуникации в рациональные. Рациональное начало должно действовать в упреждающей стратегии и соответствующих тактиках. Важными условиями реализации такой стратегии и тактик являются преодоление сугубо негативного отношения к новой коммуникации и выработка конструктивного отношения к ней. Конструктив заключается в изучении стихийно сложившихся алгоритмов и норм виртуальной коммуникации и на этой основе далее – в обучении с учетом специфики и достоинств такой коммуникации, в выработке новой культуры интернет-общения (в частности в социальных сетях). Следующее поколение должно войти в социальную жизнь, владея элементами новой коммуникативной культуры.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на III Всероссийской научной конференции «Педагогический дискурс в современной научной парадигме и образовательной практике». Москва, 27 февраля – 1 марта 2023 г.

Acknowledgment: The research was reported at the III All-Russian Scientific Conference of Pedagogical Discourse in the Modern Scientific Paradigm and Academic Practice, Moscow, 27 Feb – 1 Mar, 2023.

¹² Такое пособие могло бы стать подспорьем таким креативным учителям, как Мария Юрьевна из приведенной выше шутки, интуитивно понимающим необходимость формирования и развития виртуальной языковой личности подростка.

Литература / References

- Александрова Е. А. Интернет-педагогика для «нового» ребенка – белое пятно на карте. *Народное образование*. 2011. № 9. С. 260–264. [Aleksandrova E. A. Internet pedagogy for the new generation: terra incognita. *Narodnoe obrazovanie*, 2011, (9): 260–264. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ohklbb>
- Базылев В. Н. Новое в российской лингвистике (неопсихолингвистика, миграционная лингвистика, контактная лингвистика, компютационная лингвистика, коннективистика). *Русский язык в школе*. 2021. Т. 82. № 6. С. 73–78. [Bazylev V. N. New achievements in Russian linguistics (neo-psycholinguistics, migration linguistics, contact linguistics, computational linguistics, connectivistics). *Russkii yazyk v shkole*, 2021, 82(6): 73–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-6-73-78>
- Базылев В. Н. Новое в российской лингвистике (педагогическая лингвистика, антропоориентированная лингвистика, политическая коммуникативистика, теологическая лингвистика). *Русский язык в школе*. 2019. Т. 80. № 3. С. 17–21. [Bazylev V. N. New achievements in Russian linguistics (pedagogical linguistics, anthropooriented linguistics, political communication studies, theological linguistics). *Russkii yazyk v shkole*, 2019, 80(3): 17–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-3-17-21>
- Батталов А. М. Конфликт неолуддизма и информационного общества. *Актуальные проблемы социального развития. Философские и социологические исследования: V Всерос. науч. конф. молодых ученых с Междунар. уч.* (Архангельск, 15–16 апреля 2022 г.) Архангельск: САФУ, 2022. С. 351–355. [Battalov A. M. The conflict of neo-Luddism and the information society. *Actual problems of social development. Philosophical and sociological research: Proc. V All-Russian Sci. Conf. of Young Scientists with Intern. Participation*, Arkhangelsk, 15–16 Apr 2022. Arkhangelsk: NArFU, 2022, 351–355. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/aqjcxh>
- Бездорожев С. В. Новый взгляд на роль переводчика: проблема использования машинного перевода. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2013. № 2. [Bezdorozhev S. V. A new look at the translator's role: the problem of using a machine translation. *Bulletin of Moscow Region State University*, 2013, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2013-2-749>
- Безолук С. П., Азарко Е. М. К вопросу о дефиниции понятия «цифровая дидактика». *Вопросы методики преподавания: от классической системы к смешанному обучению: Междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 15 мая 2021 г.) М.: Центр СНИ и ОТ, 2021. С. 35–49. [Bezolut S. P., Azarko E. M. On the question of the definition of the concept of digital didactics. *Teaching methodology: from the classical system to mixed learning: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 15 May 2021. Moscow: Tsentr SNI i OT, 2021, 35–49. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/grvzpx>
- Герасимова С. А. Учебно-дидактический текст в педагогической коммуникации: лингвопрагматический аспект. М.: МГПУ, 2015. 224 с. [Gerasimova S. A. *Linguistic pragmatics of a didactic text in academic communication*. Moscow: MCU, 2015, 224. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uftumd>
- Голев Н. Д. К проблеме качества чтения как дидактической задачи. *Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. IV. Дискурсы и жанры письменной речи*, под ред. Н. Б. Лебедевой. Кемерово: КемГУ, 2011. С. 253–263. [Golev N. D. To the problem of reading quality as a didactic task. *Natural written Russian speech: research and educational aspects. Vol. IV. Discourses and genres of written speech*, ed. Lebedeva N. B. Kemerovo: KemSU, 2011, 253–263. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vhwhrz>
- Голев Н. Д. Лингвоперсоналогические основания личностно-ориентированного обучения. *Лингвоперсоналогия и личностно-ориентированное обучение языку*, редкол.: Н. Д. Голев, Н. В. Мельник, Э. С. Денисова, С. А. Максимова. Кемерово: КемГУ, 2009. С. 8–16. [Golev N. D. Linguistic personology: foundations of personality-oriented teaching. *Linguopersonology and personality-oriented language teaching*, ed. board: Golev N. D., Melnik N. V., Denisova E. S., Maksimova S. A. Kemerovo: KemSU, 2009, 8–16. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zstezn>
- Голев Н. Д. Письменная коммуникация Новейшего времени: основные векторы развития. *Вестник Томского университета. Филология*. 2012. № 2. С. 5–18. [Golev N. D. Written communication of modern time: main vectors of development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2012, (2): 5–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/oxvkyh>
- Голев Н. Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2013. № 5. С. 12–30. [Golev N. D. Russian colloquial written speech and the reflection of its modern state in the ordinary

- metalanguage consciousness of virtual communication participants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2013, (5): 12–30. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/rejvcv>
- Голев Н. Д. Современная ментально-языковая ситуация в России и обыденное метаязыковое сознание. *Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгресс исследователей русского языка*. (Москва, 20–23 марта 2010 г.) М.: МГУ, 2010. С. 242–243. [Golev N. D. Cognitive and linguistic situation in modern Russia and the mundane metalinguistic consciousness. *Russian language: its historical destiny and present state: Proc. IV Intern. Congress of Russian Language Researchers, Moscow, 20–23 Mar 2010*. Moscow: MSU, 2010, 242–243. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xcwpxt>
- Голев Н. Д., Григорьева О. С. О дискурсообразующей роли модуса в коммуникативном процессе (на материале преобразований научного текста в учебный). *Критика и семиотика*. 2022. № 2. С. 71–90. [Golev N. D., Grigorieva O. S. On the discourse-forming role of the mode in the communicative process (based on the material of transformations of a scientific text into an educational one). *Critique and Semiotics*, 2022, (2): 71–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-2-71-90>
- Замолодская О. М. Сетевая дидактика: нетехнические проблемы виртуальной учебной среды. *Педагогическая информатика*. 2008. № 1. С. 63–68. [Zamolodskaya O. M. Network didactics: non-technical issues of the virtual learning environment. *Pedagogicheskaya informatika*, 2008, (1): 63–68. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kxdjwh>
- Константинова Л. А., Илюхина О. В. Учет особенностей языковой личности школьника при обучении русскому языку. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2012. № 1-2. С. 292–297. [Konstantinova L. A., Ilyuhina O. V. Consideration of peculiarities of school students' linguistic identity for the study of Russian language. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2012, (1-2): 292–297. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pjmyzt>
- Кулик А. Д., Текучева И. В., Москалёва М. М., Петрова Л. Ю. Интернет-дидактика в обучении русскому языку как иностранному. *Вопросы истории*. 2022. № 8-2. С. 260–264. [Kulik A. D., Tekucheva I. V., Moskaleva M. M., Petrova L. Yu. Internet didactics in teaching Russian as a foreign language. *Voprosy Istorii*, 2022, (8-2): 260–264. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi29>
- Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как проявление повседневной народной культуры. *Антропотекст – 1*, отв. ред. Л. Г. Ким. Томск: ТГУ, 2006. С. 295–303. [Lebedeva N. B. Natural written Russian speech as a manifestation of everyday folk culture. *Anthropotext 1*, ed. Kim L. G. Tomsk: TSU, 2006, 295–303. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rqbttr>
- Лебедева Н. Б. «Письменное просторечие» и «гносеологическая толерантность». *Лингвокультурологические проблемы толерантности: Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24–26 сентября 2001 г.) Екатеринбург: УрГУ, 2001. С. 244–247. [Lebedeva N. B. "Written vernacular" and "epistemological tolerance". *Linguistic and cultural issues of tolerance: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 24–26 Sep 2001*. Ekaterinburg: USU, 2001, 244–247. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rxjzjh>*
- Лебедева Н. Б., Корюкина Е. А. Наивный автор как письменно-речевая личность: жанроведческий аспект. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2013. № 3. С. 11–23. [Lebedeva N. B., Koryukina Ye. A. Naive author as writing personality: genre-study aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2013, (3): 11–23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qaiyjh>
- Мамаева С. В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5–7 классов: дис. ... канд. филол. наук. Лесосибирск, 2007. 202 с. [Mamaeva S. V. *Speech portrait of the collective linguistic personality of 5–7 graders*. Cand. Philol. Sci. Diss. Lesosibirsk, 2007, 202. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nounxv>
- Пеняева С. А. Креативная компьютерная педагогика. Проблемы и пути развития. М.: Спутник+, 2005. 126 с. [Penyaeva S. A. *Creative computer pedagogy. Problems and ways of development*. Moscow: Sputnik+, 2005, 126. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/quytlt>
- Рублёва Е. В. Образовательные тренды завтрашнего дня: переход от электронного обучения (e-learning) к мобильному обучению или обучению с помощью мобильных технологий (m-learning). *Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет: VI Междунар. науч. конф. (Лёвен, 22–25 мая 2014 г.) Варшава: Институт русистики Варшавского университета, 2014. С. 1457–1462. [Rubleva E. V. Education of tomorrow: from e-learning to mobile learning and m-learning. *The Russian Language in the Linguistic and Cultural Space of Europe and the World: Human**

- being Consciousness Communication Internet: Proc. 6th Intern. Sci. Conf., Leuven, 22–25 May 2014.* Warsaw: Institute of Russian Studies, 2014, 1457–1462. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xdutbe>
- Рублёва Е. В. От дидактики к сетевой лингводидактике. *Теоретические и прикладные проблемы науки и образования в 21 веке: Междунар. заочная науч.-практ. конф.* (Тамбов, 31 января 2012 г.) Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2012. Ч. 4. С. 109–111. [Rubleva E. V. From didactics to network linguistic didactics. *Theoretical and applied problems of science and education in the XXI century: Proc. Intern. Correspondence Sci.-Prac. Conf., Tambov, 31 Jan 2012.* Tambov: Consulting company Ucom, 2012, pt. 4, 109–111. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/svzdex>
- Рублёва Е. В., Хехтель А. С. Обучение русскому языку в цифровую эпоху. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. 79 с. [Rubleva E. V., Khekhhtel A. S. *Teaching Russian in the digital age.* Moscow: Pushkin Institute, 2020, 79. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mgsijv>
- Свердлова Н. А. Особенности процесса интерференции в коммуникации «человек-машина-человек». *Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет: V Междунар. науч. конф.* (Варшава, 9–13 мая 2012 г.) Варшава: Институт русистики Варшавского университета, 2012. С. 1201–1205. [Sverdlova N. A. Features of the interference process in human-machine-human communication. *The Russian Language in the Linguistic and Cultural Space of Europe and the World: Human being Consciousness Communication Internet: Proc. 5th Intern. Sci. Conf., Warsaw, 9–13 May 2012.* Warsaw: Institute of Russian Studies, 2012, 1201–1205. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vwckft>
- Селиванов Н. Л. Компьютерная педагогика. Концептуальные основы новой науки. *Педагогика искусства.* 2009. № 4. С. 114–119. [Selivanov N. L. Computer pedagogy. The conceptual bases of new science. *Pedagogika iskusstva*, 2009, (4): 114–119. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kyxhel>
- Сухотерина Т. П. Лингвоперсона и лингвоперсона «наивного» автора-мемуариста. *Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсоналогия*, под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Мельник, С. В. Оленева. М.: Ленанд, 2016. Вып. 2. С. 298–307. [Sukhoterina T. P. Linguapersonem and linguistic personality of the "naive" memoirist. *Linguistic personality: modeling, typology, and portraiture. Siberian Linguistic Personology*, eds. Golev N. D., Melnik N. V., Olenev S. V. Moscow: Lenand, 2016, iss. 2, 298–307. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wzbwaj>
- Тазов П. Ю. Особенности цифрового поколения и их использование в цифровой дидактике. *Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: Smart Nations: экономика цифрового равенства: III Междунар. науч. форум.* (Москва, 9–10 декабря 2019 г.) М.: ГУУ, 2020. Вып. 4. С. 179–182. [Tazov P. Yu. Digital generation and digital didactics. *Step into the future: artificial intelligence and the digital economy: Smart Nations: the economy of digital equality: Proc. III Intern. Sci. Forum, Moscow, 9–10 Dec 2019.* Moscow: SUM, 2020, iss. 4, 179–182. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/gfxibu>
- Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин. *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике.* 2-е изд., испр. М.: Индрик, 1995. С. 27–40. [Tolstoy N. I. Ethnolinguistics and its place in the humanities. *Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics.* 2nd ed. Moscow: Indrik, 1995, 27–40. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vgyukx>
- Фролова А. С., Уварова С. А. Литературный блогер как законодатель читательской моды в среде городской студенческой молодежи. *Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств).* 2021. № 1. С. 64–71. [Frolova A. S., Uvarova S. A. Booky blogger as a trendsetter for urban student youth readers. *Proceedings of Altai State Academy of Culture and Arts*, 2021, (1): 64–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32340/2414-9101-2021-1-64-71>
- Шпильная Н. Н. Интенции реплицирования, реализуемые в диалоге. *Филологический класс.* 2022. Т. 27. № 2. С. 68–76. [Shpilnaya N. N. Response generation intentions realized in dialogue. *Philological Class*, 2022, 27(2): 68–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.51762/1FK-2022-27-02-06>
- Шувалова И. Н. Изучение мобильной и компьютерной активности студентов института педагогики, психологии и инклюзивного образования. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.* 2015. № 12-4. С. 169–171. [Shuvalova I. N. Study of mobile and computer activity of students of the institute of pedagogy, psychology and inclusive education. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2015, (12-4): 169–171. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vhhnqf>